

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 165.0

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-31-37

Дата поступления: 12.11.2024
рецензирования: 20.01.2025
принятия: 03.03.2025

Н.Ю. Козлова

Московский педагогический
государственный университет,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: nyu.kozlova@mpgu.su
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6418-6682>

Смысловая неоднозначность: к вопросу о связи онтологической реальности, бессмыслицы и языковой критики

Аннотация: в статье анализируется проблема смысловой неоднозначности. Выявляется корреляция между онтологической реальностью, бессмыслицей и языковой критикой в контексте взаимосвязи языка и субъективности. Рассматривается идея о смысловой неоднозначности как базовой характеристике языка, свидетельствующей о его смысловой открытости и незавершенности. Проводится анализ проблемы придания осмысленности, в результате которого делается вывод, согласно которому признание за языком смысловой незавершенности ставит под сомнение онтологическую реальность как главный критерий осмысленности высказывания и переносит акцент на субъективность смыслообразовательного процесса. Прослеживается, как в процессе интерпретации сущностям, «онтологически нереальным» – не обладающим и не характеризующимся «способом данности» – этот «способ» метафорически прописывается субъектом с опорой на уже практикуемую им языковую логику. Рассматриваются явления бессмыслицы и языковой критики, выявляются их эпистемические отношения, а также роль в процессах познания и смыслообразования; обозначается функция образности в построении онтологической реальности.

Ключевые слова: смысловая неоднозначность; язык; субъективность; онтологическая реальность; языковая критика; риторика науки; образность; метафора; эпистемология.

Цитирование: Козлова Н.Ю. Смысловая неоднозначность: к вопросу о связи онтологической реальности, бессмыслицы и языковой критики // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 31–37. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-31-37>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Козлова Н.Ю., 2025

Наталья Юрьевна Козлова – кандидат философских наук, Московский педагогический государственный университет, 119991, Российская федерация, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.Yu. Kozlova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: nyu.kozlova@mpgu.su
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6418-6682>

The indeterminacy of meaning: on the connection between ontological reality, nonsense, and linguistic criticism

Abstract: the article analyzes the problem of semantic ambiguity. It reveals a correlation between ontological reality, nonsense, and language criticism in the context of the relationship between language and subjectivity. The idea of semantic ambiguity as a basic characteristic of language, indicating its semantic openness and incompleteness, is considered. The problem of giving meaning is analyzed, which leads to the conclusion that recognizing the semantic incompleteness of language calls into question ontological reality as the main criterion for the meaningfulness of an utterance and shifts the emphasis to the subjectivity of the meaning-making process. It is traced how, in the process of interpretation, entities that are “ontologically unreal” – not possessing and not characterized by a “mode of givenness” – this “mode” is metaphorically prescribed by the subject based on the linguistic logic they already practice. The phenomena of nonsense

and language criticism are considered, their epistemic relations are revealed, as well as their role in the processes of cognition and meaning-making; The function of imagery in the construction of ontological reality is designated.

Key words: semantic ambiguity; language; subjectivity; ontological reality; language criticism; rhetoric of science; figurativeness; metaphor; epistemology.

Citation: Kozlova, N.Yu. (2025), The indeterminacy of meaning: on the connection between ontological reality, nonsense, and linguistic criticism, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 31–37, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-31-37>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Kozlova N.Yu., 2025

Natalya Yu. Kozlova – PhD in Philosophy, Moscow Pedagogical State University, 1/1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation.

Введение

В истории западноевропейской философской мысли одним из значимых сюжетов, обогащающих проблемное поле эпистемологии новыми темами и вопросами, является философская критика естественного языка. Если обобщить выдвигавшиеся обвинения (наиболее показательные примеры можно встретить в работах Лейбница, раскрывающих попытки изобретения *lingua generalis*; в критике естественного языка английских эмпириков 16–17 века, в исследованиях Венского кружка), то языковая природа признается несовершенной в силу смысловой неоднозначности. Между тем данное явление характеризует не природу языка как такового, а его *функционирование*, реализующееся во взаимосвязи языка и субъективности, языка и сознания. С этой точки зрения особенный интерес представляет исследование конструирования онтологической реальности, путь к которой пролегает между Сциллой и Харибдой интерпретации – бессмыслицей и языковой критикой. Анализу их взаимосвязи, являющей процесс смыслообразования, и посвящена статья.

1. О смысловой неоднозначности

Семантическая и синтаксическая неоднозначность признается базовой характеристикой языка (Зализняк 2006), (Падучева 2004), которая свидетельствует о его смысловой открытости и незавершенности. Главное проявление языковой неоднозначности можно увидеть в полисемии и формировании переносного значения. Понятно, что подмечает Ж. Деррида, язык не был бы языком, то есть не выполнял своих функций, если бы «не мог управлять полисемией и анализировать ее» (Деррида 2012, с. 285). Но язык также не был бы языком, если бы не сохранял за связью означающего-означаемого гибкость, позволяя мышлению наполнять охватываемое этой связью пространство самыми различными, необходимыми ему в данный момент, смыслами. Поэтому в современной науке о языке можно встретить идею о невозможности классификации высказываний с точки зрения их однозначности / неоднозначности, а

также отвержение однозначности как таковой. Это, в свою очередь, можно объяснить следующими причинами.

Во-первых, по причине «практической» абсурдности смысловой неоднозначности (Зализняк 2004), которая просчитывается носителем языка при интерпретации. Во-вторых, в силу самого интерпретирующего субъекта как выразителя уникального «способа бытия» и модуса смыслополагания. Так, например, еще Сенека отмечал субъективную относительность процесса считывания смыслов, рассматривая ее на примере «профессионального» чтения и призывая «не удивляться», когда каждый из одного и того же осмысляемого материала извлекает нечто, сообразное его заботам и профессиональным интересам (Сенека 2016). Интерпретация любого высказывания, таким образом, индивидуальна и рождает совокупность смыслов, просчитать которую, а также предугадать направление смыслоразвертывания представляется мало возможным. Однако если признавать за языком параллельную реализацию в двух сферах – объективной, конвенционально поддерживаемой (интерсубъективной), и субъективной, заключающейся в «отождествлении своего способа владения языком с единственно возможным» (Зализняк 2004), при которой большая ее (реализации) доля приходится именно на объективную сферу, то шансы на предвосхищение конечного смыслового результата увеличиваются. Иначе, если вернуться к тезису Деррида, язык не был бы языком и коммуникация не представлялась бы возможной. Однако при подобном «перевесе» объективности неоднозначность все равно продолжает существовать в качестве ведущего принципа функционирования языка.

2. К проблеме придания осмысленности: бессмысленное и онтологическая реальность

Анализ языковой неоднозначности непосредственным образом связан с проблемой придания осмысленности и выведения ее критерия. Чтобы в ней разобраться, необходимо обратиться к вопросу различения смысла и значения.

Если инвертировать высказывание Л. Кэрролла «думай о смысле, а слова придут сами», допустив, что слова в синтагматической связке могут привести к ранее не подразумевавшемуся, «не улавливавшемуся» смыслу, то тогда смысл можно лишить конвенциональной привязки, оставив ее при значении, и трактовать его как проявление уникальности способа интерпретации конкретного субъекта. При подобном подходе предложения типа «Бесцветные зеленые идеи яростно спят» (Н. Хомский) или «Цезарь является простым числом» (Р. Карнап) являются примерами не столько языковых отклонений, сколько свидетельством удивительной смысловой гибкости языка, преодолевающего «онтологическую нереальность» (Якобсон 1985) за счет проспективной поливариативности в порождении смысла интерпретирующим субъектом. По сути, камнем преткновения оказывается вопрос не о взаимодействии грамматики, семантики и порождении бессмыслицы, а о факте отсутствия в языке «нормы семантической сочетаемости» (Левин 1990), который, в свою очередь, заставляет задуматься о семантической значимости (Якобсон 1985) как проявлении языковой прагматики. Иначе говоря, признание за языком смысловой незавершенности ставит под сомнение онтологическую реальность как главный критерий осмысленности высказывания и переносит акцент на субъективность смыслообразовательного и преобразовательного процесса. При подобной трактовке абсолютно любое высказывание, составленное по нормам грамматики, будет обладать смыслом, причем не только субъективным, но и объективно-конвенциональным, без которого, собственно, и невозможен субъективный. Отличие от «нормальных» высказываний заключается в том, что в «отклонениях» большая доля смысла выявляется и разрабатывается именно субъективно, модусом интенциональности конкретного субъекта (Козлова 2016а), поскольку в условиях «онтологической нереальности», то есть отсутствия опоры в качестве общепринятого подхода в осмыслении – «проторенной» дорожки в интерпретации (напр., контекст и дискурс можно рассматривать как средства концептуальной организации смысла и упорядочивания действительности (van Dijk 2014)) – открывается широчайший простор в выборе интерпретирующего «отождествления», блестяще описанного Якобсоном при анализе «зеленых идей» Хомского (Козлова 2016б): «Так, анализируя предложение "Бесцветные зеленые идеи яростно спят", рассматриваемое Хомским как образец бессмысленного высказывания, мы выявляем в нем имеющий форму множественного числа топик "идеи", о котором говорится, что он находится в состоянии "сна"; оба члена имеют определения: "идеи" характеризуются как "бесцветные зеленые", а "сон" – как

"яростный". Указанные грамматические отношения создают осмысленное предложение, для которого возможна проверка истинности: существуют или нет такие вещи, как "бесцветное зеленое", "зеленые идеи", "сонные идеи" или "яростный сон"? "Бесцветное зеленое" – это синонимическое выражение для "бледно-зеленое", имеющее как явный оксюморон легкий юмористический оттенок. Эпитет "зеленое" при слове "идеи" – это метафора, напоминающая знаменитую строку Эндрю Марвелла "Green thought in a green shade" ('Зеленая мысль в зеленой тени') или Льва Толстого "Все тот же ужас красный, белый, квадратный", а также русскую идиому "тоска зеленая". В фигуральном смысле глагол "спать" означает 'быть в состоянии, похожем на сон, быть инертным, онемелым, апатичным и т. д.'; ведь говорят, например, *his hatred never slept* (букв. 'его ненависть никогда не спала'). Почему же тогда не могут чьи-нибудь идеи впасть в сон? И наконец, почему нельзя рассматривать слово "яростно" как эмфатический синоним слова «крепко»?» (Якобсон 1985, с. 237).

Это рассуждение побуждает задуматься о многом. Во-первых, об удивительной гибкости мышления, способного *искать* и *находить* «свой» смысл в высказывании, не утвержденном «онтологической реальностью» (интересно по этому поводу размышление Дж. Лакоффа о человеке и его сковороде: «если кто-то считает, что его сковорода обладает разумом, он примет предложение «моя сковорода понимает, что я плохой повар» как вполне правильное» (Павилёнис 1983, с. 89)). Причем эта гибкость, скорее, является изворотливостью, очередной раз подчеркивающей теснейшую связь языка и мышления, языка и сознания. Потребность второго в развитии оказывается столь велика и экзистенциально необходима, что в процессе интерпретации «вещам», «онтологически нереальным» – не обладающим и не характеризующимся «способом данности» (Frege 2008) – этот «способ» прописывается, выводится субъектом с опорой на уже практикуемую им языковую логику. Иными словами, вооружившись размышлением Якобсона, можно наблюдать процесс субъективного «насилованного» «оживления», вписывания в онтологическую реальность того, что в ней как таковое отсутствует. И способ этого «вписывания», установления «способа данности» метафоричен по своей сути. Метафорическое сопоставление как когнитивная операция (Козлова 2023) выступает механизмом гипостазирования – в осмыслении неких объектов им приписывается реальное существование. Гипостазирование заключается в соединении в акте интерпретации двух миров: субъективной онтологии, организуемой способом бытия конкретного субъекта, и онтологии, наличествующей в языке, в модусе и в горизонте интенциональности сознания. При-

мечательно, что подобное онтологическое гипотазирование оказывается значимой когнитивной операцией, поставляющей для мышления «рабочий» материал. Иначе говоря, если субъект познает и реализует себя в смыслах, извлекаемых им в процессе интерпретации, то как и с чем ему работать в случае с бессмысленными высказываниями, если не подвергать их насильственному «присуждению» смысла – онтологизации – в подобном «оживлении» через язык?

Допуская, таким образом, в значении слова отзвуки чего-то большего, возможные пути к его субъективному истолкованию, язык демонстрирует удивительную пластичность в смыслообразовании и тем самым словно побуждает сознание к поиску в ходе своего развития бесконечно новых форм интерпретации и образов самоотжествления.

Во-вторых, рассуждение Якобсона побуждает задуматься о самом языке, всегда пребывающем в готовности поддерживать и воплощать любые, даже самые виртуозные, ходы мысли интерпретирующего субъекта. Да, «в бессмыслице язык еще не родился» (Деррида 2012, с. 277), но именно бессмыслица указывает на его зарождение и именно в ней можно отследить особенности этого зарождения. В то же время подобные выходы за языковую «грань» можно расценивать в качестве попыток преодоления языковой «критики», пусть и не всегда удающихся.

3. Языковая критика и ее преодоление

Понятие «языковой критики» (в понимании «язык-цензор») вводится мной по аналогии с понятием «гнет критического разума» – конститутивного принципа сознания, выявленного З. Фрейдом в своих исследованиях. Критерий осмысленности, на мой взгляд, непосредственным образом связан с ее *давлением* на носителя языка. Под языковой «критикой» будет пониматься ощущение языковой «запоренности», невозможности перешагнуть, преодолеть условия мысли, навязываемые субъекту языком в практике своей рефлексивности – через концептуальные схемы (Lakoff and Johnson 1999, 2003), контекст и дискурс как средства концептуальной организации смысла (Van Dijk 2014).

Фрейд упоминает понятие критики в связи с разработкой проблемы остроумия и движущих его механизмов. Примечательно, что остроумие как ловкость в нахождении сходства между несходными вещами (Фрейд 2007) имеет общие черты с бессмысленными высказываниями. У них одинаковый механизм, который может быть охарактеризован легкостью в «сваливании в одну кучу противоположных понятий», удобством в принятии отбрасываемых логикой умозаключений и неприятием во внимание при сочетании слов и мыслей

условий, согласно которым должен образоваться смысл (Фрейд 2007, с. 556). Идея языковой критики эксплицируется из рассуждений Фрейда об «удовольствии от бессмыслицы», которое, по его мнению, глубоко сокрыто в повседневной жизни, и проблема которого будет рассмотрена ниже. Например, когда ребенок учится говорить, лопочет бессмыслицу, соединяя слова одним известным ему способом, он еще находится за гранью языковой реальности. Потом, по мере вынужденного погружения в эту реальность, он оказывается все более в тисках языковой критики, отныне воспрещающей ему преступать нормы языкового употребления, нарушая смысловую взаимосвязанность слов. Однако, обращает внимание Фрейд, стремление к мыслительной свободе, которая еще только устанавливается, не пропадает, а воплощается в других формах, например, уже во всяческих лексических модификациях или даже образования своего собственного языка (там же). В дальнейшем, когда свобода мысли оказывается полностью скованной языковой критикой, это стремление реализуется в нахождении субъектом «прелести в заперщенном разумом» (там же), а также попросту в фантазии и остроумии, которые позволяют не только сводить несводимое, но и размывать границы реальности, что по своей сути оказывается протестом против принуждения языком к определенному способу мышления.

О проявлении языковой критики косвенно упоминает Ж. Делёз, рассуждая о нахождении осваивающего язык ребенка в «предшествующем ему языке, который он еще не способен понять»: ребенок способен наблюдать механизм языка «изнутри» – например, замечать дифференциальные отношения фонем, в то время как взрослым подобные наблюдения уже недоступны (Делёз 2011, с. 300). Однако это «до-языковое» существование Делез относит к депрессивной позиции в существовании разума, лишенного опоры на язык.

О свойственной детям вдумчивой рефлексии над языком пишет уже упоминавшийся Якобсон в контексте «метаязыковой функции» как неотъемлемой части речевой деятельности (Якобсон 1996, с. 22). Вслед за исследователями особенностей детской речи (К.И. Чуковским, Н.Х. Швачкиным, А.Н. Гвоздевым) он отмечает, что в «игре» с языковыми элементами – такими проявлениями сознательного противоборства со «взрослым» вариантом языка, как модификации грамматических форм, нарушение фонетических норм и всякое другое искажение устоявшейся языковой практики, – усваиваются словесные знаки и уясняется их семантическая применимость. Иными словами, усвоение метаязыковой компетенции, детское «завоевание грамматики» (Якобсон 1996, с. 22) имеет в качестве итога усиление языковой критики. Логика языка сковывает «порывистость»

творческих движений мысли. Ощущение до-языковой «свободы», возможно, дальним эхом раздается в «чуткости» к языковым элементам, систематично притупляемой языком: когда ребенок, казалось бы, «услышал» веление языка и «согласился» с ним, но тот не проявил последовательности (Чуковский приводит замечательный пример, когда дети замечают пренебрежительный оттенок суффикса «к» в существительных женского рода и протестуют против его расширенного употребления: «Она коша, потому что хорошая; а когда она будет плохая, я назову ее кошка» (Якобсон 1996, с. 22)). Фактически, детская речь – это борьба разума как чистой биологической данности и языка на пороге возникновения мышления и сознания. В ней языком – фактически его конвенциональным измерением в лице цензора-родителя, учащего ребенка говорить *правильно*, – пресекаются любые попытки преодоления навязываемого им способа артикуляции и мышления. Однако, как известно, всё, однажды подавленное, имеет свойство возвращаться в новых формах.

Далее необходимо обозначить отношения между языковой критикой и причиной отступления от нее, наблюдающейся в явлении бессмыслицы. С точки зрения Фрейда, истоком бессмыслицы является стремление получить удовольствие. В контексте исследования – связи между онтологической реальностью, бессмысленным и языковой критикой – идею Фрейда можно раскрыть особенно интересным образом. Для этого необходимо ответить на вопрос: «Что представляет из себя данное удовольствие? Не есть ли смысловое отношение «выход за языковую реальность, чтобы получить удовольствие» подобным отношением, рассмотренному Д. Дэннетом при анализе эпистемической связи между языком и сознанием – «Мед сладкий потому, что мы любим его, а не «мы любим мед, потому что он сладкий» (Dennet 2009)? Иными словами, не получаем ли мы удовольствие от преодоления языковой «критики» только потому, что наш разум в силу того, что в сущности этого преодоления скрывается наша потребность в познании как в жизненно необходимом процессе («у познающих больше шансов выжить» (Sagan 1980, р. xiii)), «помечает» эту возможность в качестве приятной, доставляющей нам удовольствие?»

В этой связи необходимо остановиться на роли языка в познании. Примечательно, что такие языковые механизмы, как, например, образность и, в частности, метафора, «удлиняющая «руку» интеллекта» (Ортега-и-Гассет 1990, с. 72), довольно часто подвергалась критике в объективистски ориентированном философском дискурсе. Возводя стремление к однозначности в ранг методологического принципа, объективистская стратегия воспринимала образность в качестве языкового

отклонения, препятствовавшего поиску истины. Между тем метафора может рассматриваться, с одной стороны, как языковой механизм, позволяющий выходить за языковую грань – преодолевать смысловое обыкновение и обогащать онтологическую реальность новыми ракурсами, что прекрасно демонстрирует поэтическое искусство; с другой – как когнитивный механизм, делающий возможным придание осмысленности бессмысленному. Можно обозначить еще одно важное для развития познания свойство образности – ее экспрессивность: привлекая и будоража внимание своей новизной, она словно поощряет мышление к дальнейшему исследованию. Интерпретация образности сопровождается удовольствием от открытия новых смыслов и ракурсов в уже, казалось бы, известной онтологии. С этой точки зрения становится понятным удовольствие, испытываемое ребенком при освоении языковой системы: язык, являясь познавательной формой, в то же время является результатом познавательной деятельности. И поскольку познание так приятно, то приятна и игра с языком. Тогда и полисемия может рассматриваться как застывшие в языковой материи ходы остроумия: когда-то предпринимаемое семантическое развитие языковой единицы было новым и не отработанным в мыслительной практике, это была метафорически осуществленная попытка выхода за границы языковой действительности, которая, самое поразительное, была полностью «санкционирована» все той же логикой языка. Получается, что язык, с одной стороны, диктует условия мышления, воспрещая своей системой какие-либо отступления за грани онтологически возможного, но с другой стороны, своей практикой рефлексивности сам же и побуждает интерпретирующего субъекта в актах своей интерпретации преодолевать свои границы, намечая новые потенциальности в онтологическом развитии. Налицо, таким образом, некий круговорот смысла между двумя онтологиями – субъективной, конституируемой и развиваемой конкретным субъектом, и языковой, объективной, развитие которой оказывается невозможным без развития первой.

Необходимо отметить, что противоположной стороной испытываемого в детстве и не только удовольствия от бессмыслицы и других форм игры с языком может являться иногда ощущаемое уже в более позднем возрасте недовольство отсутствием точности, смысловой неисчерпанностью высказывания. Когда, например, в самые напряженные моменты коммуникации, требующие предельной смысловой точности в выражении, проскальзывает недоумение, почему слово, самое подходящее для данного момента, как подсказывает языковое сознание, оказывается «угловатым» и не только не вписывающимся в выводы-

мый мыслью «интенциональный» рисунок, но и заставляющим мысль буквально «спотыкаться» или и вовсе теряться в своем развертывании. Слово в подобные мгновения всегда кажется «не таким, как надо», не способным выразить переживание. Владение языком с этого ракурса оказывается подобным исследованию дна Мирового океана из самых верхних слоев атмосферы Земли: коммуникация осуществляется буквально «на ощупь», искажаясь форсируемым ею же течением смыслов, из-за чего «мысль изреченная» по-тютчевски обречена быть ложью. Всякий раз будет иметь место делёзовское несоответствие смысла высказыванию, в котором смысл всегда будет опережать слово: «...говоря нечто, я в то же время никогда не проговариваю смысл того, о чем идет речь. Но, с другой стороны, я всегда могу сделать смысл того, о чем говорю, объектом следующего предложения, смысл которого я, в свою очередь, при этом тоже не проговариваю. Итак, я попадаю в бесконечный регресс того, что подразумевается. Такой регресс свидетельствует как о полном бессилии говорящего, так и о всеисилии языка...» (Делёз 2011, с. 44). Возможно, подобная неудовлетворенность, являясь в конечном счете все тем же влечением к выходу «по ту сторону» языкового предела, свидетельствует о том, что при всей догматичности связи между языком и мышлением, сознание всегда находится на шаг впереди в поступательном движении языка.

Заключение

Смысловая неоднозначность – языковой феномен, проявляющийся в практике использования языка. Возникая в моменте взаимодействия языка и субъективности, смысловая неоднозначность обозначает предрасположенность концептуальной сферы к постоянному движению, проявления которого обнаруживаются в полисемии и процессах формирования переносного значения. Анализ смысловой неоднозначности непосредственным образом связан с проблемой придания осмысленности. Как показало исследование, интерпретация – процесс, разворачивающийся между двумя онтологическими полюсами: объективным языковым, утверждаемым конвенциональной апробацией, и субъективным. В случае онтологической нереальности – бессмыслицы – присуждение смысла развивается в большей степени субъективно, модусом интенциональности субъекта. Мышлением метафорически через гипостазирование прописывается «способ данности» – так ранее бессмысленное становится осмысленным, то есть онтологически реальным. Бессмыслицу, в свою очередь, можно рассматривать в качестве выходов за языковую «грань» – попыток преодоления языковой «критики», обнаруживающих стремление сознания к развитию.

Библиографический список

- Dennet, D. (2009), *Cute, sexy, sweet, funny*, [Online], available at: https://www.ted.com/talks/dan_dennett_cute_sexy_sweet_funny/transcript?language=en#t-114000 (Accessed 09 Jan 2025).
- Frege, G. (2008), *Über Sinn und Bedeutung, Funktion, Begriff, Bedeutung. Fünf logische Studien*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany.
- Lakoff, G. and Jonson, M. (1999), *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind & its Challenge to Western Thought*, Basic Books, New York, USA.
- Lakoff, G. and Jonson, M. (2003), *Metaphors We Live by*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Sagan, K. (1980), *Cosmos*, Random House, New York, USA.
- Van Dijk, T. (2014), *Discourse and Knowledge. A sociocognitive approach*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Делёз Ж. Логика смысла. Москва: Академический проект, 2011. 472 с.
- Деррида Ж. Поля философии. Москва: Академический проект, 2012. 376 с.
- Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. Москва: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
- Зализняк А.А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 20–45. [Электронный ресурс]. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-04.htm (Дата обращения: 01.01.2025).
- Козлова Н.Ю. Метафора и само-конституирование Я: языковой аспект // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016а. № 3 (37). С. 101–108.
- Козлова Н.Ю. Метафора: проблема взаимодействия языка и трансцендентального // Ценности и смыслы. 2016b. № 1 (41). С. 6–14.
- Козлова Н.Ю. Метафорическое соотнесение как механизм мышления // Вопросы философии. 2023. № 6. С. 95–103.
- Левин С. Прагматическое отклонение высказывания // Теория метафоры. Сборник статей. Москва: Прогресс, 1990. С. 342–357.
- Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. Сборник статей. Москва: Прогресс, 1990. 513 с. С. 68–81.
- Павилёнис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. Москва: Мысль, 1983. 286 с.
- Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
- Сенека. Наедине с собой. Пер. с лат. С. Ошерова; пер. с греч. С. Роговина. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 432 с.
- Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному // Толкование сновидений. Москва:

Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард, 2007. 1088 с.

Якобсон Р. Бессознательное и язык // *Язык и бессознательное*. Москва: Гнозис, 1996. 248 с. С. 6–89.

Якобсон Р. Взгляды Боаса на грамматическое значение // *Избранные работы*. Москва: Прогресс, 1985. 455 с. С. 231–238.

References

Dennet, D. (2009), *Cute, sexy, sweet, funny*, [Online], available at: https://www.ted.com/talks/dan_dennett_cute_sexy_sweet_funny/transcript?language=en#t-114000.

Frege, G. (2008), *Über Sinn und Bedeutung, Funktion, Begriff, Bedeutung. Fünf logische Studien*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany.

Lakoff, G. and Jonson, M. (1999), *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind & its Challenge to Western Thought*, Basic Books, New York, USA.

Lakoff, G. and Jonson, M. (2003), *Metaphors We Live by*, University of Chicago Press, Chicago, USA.

Sagan, K. (1980), *Cosmos*, Random House, New York, USA.

Van Dijk, T. (2014), *Discourse and Knowledge. A sociocognitive approach*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Deleuze, J. (2011), *Logique du sens*, Akademicheskij Proekt, Moscow, Russia.

Derrida, J. (2012), *Marges – de la philosophie*, Akademicheskij Proekt, Moscow, Russia.

Freud, S. (2007), *Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten*, *Tolkovanie snovidenij*, Midgard, St. Petersburg, Russia.

Kozlova, N.Yu. (2016a), Metaphor and Self-Constitution of Ego: Language Aspect, *Humanities Research in the Russian Far East*, vol. 3, no. 37, pp. 101–108.

Kozlova, N.Yu. (2016b), Metafora: problema vzaimodejstviya yazyka i transtsendental'nogo, *Tsennosti i smysly*, vol. 1, no. 41, pp. 6–14.

Kozlova, N.Yu. (2023), Metaphorical correlation as a mechanism of thinking, *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 95–103.

Levin, S. (2023), Pragmaticheskoe otklonenie vykazyvaniya, *Teoriya metafor*, Sbornik statej, Progress, Moscow, pp. 342–357.

Ortega y Gasset, J. (1990), Las dos grandes metáforas, *Teoriya metafor*, Sbornik statej, Progress, Moscow, pp. 68–81.

Paducheva, E.V. (2004), *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*, Yazyki slavyanskoj kul'tury, Moscow, Russia.

Pavilionis, R. (1983), *Problema smysla. Sovremennyy logiko-filosofskij analiz yazyka*, Mysl', Moscow, Russia.

Seneca (2016), Naedine s soboj, *Seneka, Mark Avrelij*, per. s lat. S.Osherovala, per. s grech. S. Rogovina, Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, Russia.

Yakobson, R. (1985), Vzglyady Boasa na grammaticheskoe znachenie, *Izbrannye raboty*, Progress, Moscow, Russia, pp. 231–238.

Yakobson, R. (1996), Bessoznatel'noe i yazyk, *Yazyk i bessoznatel'noe*, Gnozis, Moscow, Russian Federation, pp. 6–89.

Zaliznyak, A.A. (2004), Fenomen mnogoznachnosti i sposoby ego opisaniya, *Voprosy yazykoznanija*, no. 2, pp. 20–45, [Online], available at: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-04.htm (Accessed 09 Jan 2025).

Zaliznyak, A.A. (2006), *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya*, Yazyki slavyanskih kul'tur, Moscow, Russian Federation.

Submitted: 12.11.2024

Revised: 20.01.2025

Accepted: 03.03.2025